

«Будь готов умереть за отечество»
(Периандр из Коринфа)

Историк, знающий своё дело, может укорить автора в том, что в основу своего рассказа он внёс девиз древнегреческого тирана о верности отчизне. Но не забудем, что Периандра относили, помимо всего прочего, к семи избранным мудрецам древнего мира. Значит, было за что!

А мы окупёмся во времена не столь отдалённые, в которых жил, воевал и погиб наш герой. Но и здесь не избежать нам необходимого предисловия.

... В середине XIX века книгоиздатель Вольф, ставший в России самым первым миллионером в своём деле, составил «Всеобщую адресную книгу С.-Петербурга». Это было в то время первое обширное и полное издание с номерами телефонов жителей, государственных и частных заведений с адресами и перечнем многого из того, что могло бы заинтересовать гостей столицы и местное население. Несмотря на дороговизну, толстый справочник в кожаном переплёте разошёлся мгновенно. А по случаю двадцатипятилетнего правления императора России Александра II издатель решил в единственном роскошном экземпляре выпустить обновлённый справочник серебряного тиснения и с таким же обзором...

– В собственные руки, Ваше Величество! – торжественно произносит Вольф, всеподданнейше склоняясь перед императором.

Александр принимает его в своём кабинете. Отодвинув бонбоньерку к краю стола, он внимательно перелистывает справочник. Наконец, неопределённо

хмыкнув, встаёт и подходит к издателю почти вплотную.

– А скажите-ка мне любезнейший Маврикий Осипович, есть ли в этой книжке адрес хотя бы одного из этих мерзавцев, объявивших охоту на мою персону? Я не нашёл здесь ни Каракозова, ни этого пшека Березовского, ни Соловьёва, подорвавшего мой поезд.

– Извините, Ваше величество, но я не совсем понял суть вопроса, – натянуто улыбается Вольф.

– А чего тут не понять? Адресов этих бомбометателей в книге я не увидел. Но все они проживали в столице, рядом со мною проживали! И вынашивали свои дерзкие планы. Так, где же их адреса?

Вольф потуплено молчит, ожидая паузы в царском гневе, наконец, тихо произносит: «Ваше величество, я всего лишь книгоиздатель, а не шеф жандармов».

Александр, нахмурившись, переводит взгляд на книгу, которую держит в руках:

– Ладно, не сердитесь на своего государя, Маврикий Осипович. А с этим раззвой Дрентельном, шефом жандармов, я и сам как-нибудь разберусь! А Вас... Вы... продолжайте делать своё благородное дело на пользу общества. За подношение спасибо и – честь имею!

Забегая вперёд, скажем, что Александру II оставалось жить чуть больше года. Очередная бомба, предназначенная для него, разнесёт Александра на части в самом центре Санкт-Петербурга. По этому поводу в туманном Альбионе королева Виктория скажет: «Мода в покушениях на царствующих особ в России почему-то превращается в эпидемию»...

Между тем, Александр, продолжая стоять у двери после ухода книгоиздателя, вдруг роняет: «К чёртовой матери

этого Дрентельна и его ротозеев!» – и швыряет злополучный справочник, метя в бонбоньерку. И попадает! И сразу же отлегло...

Упавшая на пол бонбоньерка совсем неожиданно возвращает Александра к воспоминаниям той поры, когда он в начале своего царствования проехал по юго-восточному пограничью от Урала до Западной Сибири. Ялуторовск, Курган, Томск, Тобольск, Тюмень... Запоминающееся было время! Здесь он воочию встретился с декабристами. Всех, оставшихся в живых, он позже освободит особым Указом, вернув их с каторги.

Особенно запомнился молодому царю Оренбург и тот высокий пограничный вал, на котором его хлебом-солью встречали молодые казаки. Он пришёл просто в восхищение от этих чернобровых красавиц и презентовал им в ответ такую же коробку конфет, как и эта вот бонбоньерка, упавшая со стола... Он был первым из царствующих особ Романовых, посетивший Сибирь.

Александр стоял на крепостном валу, а ветер доносил из бескрайней степи головокружительные запахи трав. Порывы его гнали по земле сплетённые между собой сухие округлые кусты « перекасти поле». А день стоял на диво такой замечательный – золотистый, прозрачный, словно медовые соты! Эта ранняя осенняя окраска раздвигала горизонт, который терялся в дальней дымке. И эта необъятная даль, и эти незнакомые запахи тревожили царя, тревожили ещё и потому, что старики-бородачи со своими лохматыми папахами, окружившие его, рассказывали ему о набегах степняков-киргизов, о том, как эти кипчаки угоняли в плен молодых казачек и пахарей, продавая их на базарах Востока вместе с украденным скотом.

Все эти рассказы на пограничных линиях южной Сибири приводили его, императора, в негодование. Он обещал казакам: «Дайте срок, обуздаем и крепко накажем. Обязательно накажем!...

Через восемь лет Александр II начнёт потихоньку, на благо России, прибирать к рукам эти земли, называвшиеся в то время одним общим словом – Туркестан.

Это озаботит англичан, считающих бывшие подконтрольные территории чуть ли не своей вотчиной. Но главное, дальнейшее проникновение России в Среднюю Азию положило начало той разделительной линии между ними, которую станет недолго многострадальный Афганистан.

На этом обширном предисловии к теме можно было бы поставить точку, но стоит сказать вот ещё о чём.

В год коронации Александра II-го была окончена Крымская война, в которой Россия потеряла весь свой флот на Чёрном море. Лавируя между Францией и Англией, молодому царю удалось за два десятилетия почти полностью восстановить военно-морские силы России.

Заклучая в тот же год Парижский мир, Александр предварительно встретился с прусским королём Фридрихом Вильгельмом (братом своей матери), с которым тайно скрепил двойственный союз, прорвав, по сути, внешнеполитическую блокаду России. Заметим попутно, что ко всяким блокадам Россия давно уже привыкла и выходила с честью из них и с достоинством...

И вот, наконец, надувая паруса воспоминаний своих предшественников, автор может теперь смело приступать к главному повествованию... Напомним лишь о монаршем Указе, освободившем крестьян от крепостного права. За это молодой монарх получил в истории звание «Освободитель». Теперь можно было вернуться и к обещаниям, данным казачьей верхушке в Сибири.

...В далёком оренбургском селе Кирсановка наступил черед призываться в армию крестьянскому сыну Фоме Данилову. Он был младшим из сыновей в семье Даниила Васильевича и Татьяны Васильевны Лотаревых. Почему Лотаревых? В этой связи отдадим должное кропотливым исследователям жизни Фомы – краеведам Н. Г. Алтухову и особенно омичу С. Г. Сизову, распутавшим многие петли в начальной биографии нашего героя, призванного в армию под фамилией Данилов.

Начнём с того, что он был младшим сыном, который не мог наследовать имущество и недвижимость семьи при жизни старшего брата. К тому же семья принадлежала к бывшим монастырским, позднее – экономическим крестьянам. А там по переписи все дети, кроме старшего, носили производную фамилию от имени отца. Даже позже, после отмены крепостного права, когда стали постепенно вводиться паспорта, их в первую очередь стали получать (далеко не сразу) только освобождённые от помещичьего ига крестьяне в ближних к столице губерниях.

Словом, пошёл служить в армию наш солдат под фамилией Данилов. И это, скорее всего, совсем его не заботило. Как тут не вспомнить известную поговорку литературного героя капитана Врунгеля: «Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт!»...

Поступил он служить в Линейный батальон в Оренбурге. Был, конечно же, на виду у начальства, коль получил со временем звание унтер-офицера. Перед тем,

как выступить в свой первый поход в среднеазиатские земли, командование доверило ему почти всю хозяйственную часть батальона: имущество, обмундирование солдат, запасные пайки и многое другое, придав к тому же около 100 верблюдов с арбами. Надёжный был этот человек, капитанармус Фома Данилов!..

В исследованиях Алтухова и Сизова говорится о том, что в походе батальону было придано две сотни казаков из другого батальона. Заодно же скажем тогда, что в мирное время на оренбургской пограничной линии стояло 11 батальонов. Половина из них влилась на походе в 1-й и 2-ой батальоны, носившие звание Оренбургских, а теперь ставших Туркестанскими.

А мы Фому будем числить под той фамилией, с которой он призывался, воевал и геройски погиб в самом сердце Средней Азии, недалеко от Ташкента...

Русские войска в первом Хивинском походе, весной 1873 года, брали город за городом, двигаясь одновременно с трёх направлений – со стороны Красноводска, Мангышлака и Оренбурга. Первый и Второй туркестанские батальоны, усиленные казаками и артиллерией, шли по безводной степи. Верблюды и лошади несли в своей поклаже бурдюки с водой. Но её всё равно не хватало, если принять в расчёт, что на двух человек в походе полагалось ведро в сутки... Но, как говорится, русский человек «выдержит всё, что Господь ниспослёт». А ведь вода требовалась ещё и лошадям – по два ведра в сутки! Трудно даже представить себе, что испытывали в накалившихся за день песках походные колонны!..

Автор этих строк сам одно время служил в Средней Азии. Накалившийся песок делает из носков или портянок в сапогах вязкую кашу. А при ранцевой поклаже или с миномётной плитой на плечах солдатские гимнастёрки под этим грузом превращаются за сутки-двое в лохмотья... Но вернёмся к главному.

Каждый город, взятый с бою, «был для нас как географическое открытие» (из «Истории 2-го Туркестанского батальона», написанной позже во Франции). В этой тоненькой книжечке на французском языке, дошедшей до автора случайно, есть любопытные высказывания мыслящих офицеров батальона. Они действительно сплошь и рядом натыкались в этих песках «на пребывание целых народов во мраке невежества».

Конечно, отжившие свой век предрасудки всё равно очень медленно уходят в прошлое, особенно у «закрытых сообществ». Зачем, казалось бы, минувшему

цепляться за сегодняшний день? Но нет, всё равно – и борется, и цепляется, буквально мучая память своих последующих поколений, будоража её постоянно!.. Увы, это наяву перед нами и сегодня – все эти «оранжевые и коричневые революции», как и «майданы»...

Как тут, по касательной, не вспомнить астрофизика Артура Эддингтона, сына английских колонистов, с детства наблюдавшего быт туземного населения. Это он первым заговорил в печати о так называемой «стреле времени», вечно летящей из прошлого в будущее. Да, но это всего лишь стрела, которой и положено лететь, спущенной с тетивы времени!

А вот как объяснить устойчивость консервативных взглядов целых замкнутых обществ? Они ведь заранее будут, что доказывали уже не один раз, противостоять этой пресловутой стреле времени, стараясь всячески сохранить устойчивость своего бытия.

На удивление просто и сравнительно легко решало этот вопрос Российское государство. Оно не загоняло в резервации местное население, а привлекало его на свою сторону, не нарушая местных обычаев и веры. Более того, двери российских учреждений, как и армии, были открыты для покорённых народов. По большому счёту, прошлое здесь никуда не уходило, оно просто двигалось со «стрелой времени» в будущее. Не так уж случайно английский премьер Керзон удивлялся, мол, как это так быстро «русские добиваются верности и дружбы тех, кого они подчинили силой?» (Encyclopedia Britannica On line).

Словно вторя английскому премьеру, в это же примерно время российский генерал от инфантерии Михаил Скобелев, отличившийся в среднеазиатских походах, сформулировал принципы этой политики, доложенной Александру II: «Наступает новое время полной равноправности и имущественной обеспеченности населения, признавшего наши законы. По духу нашей среднеазиатской политики париев нет. В этом наша сила перед Англией».

...Через 70 лет в этих краях появится первый трактор. От его гула вздрогнет вся эта толща песков. Ну, а пока здесь тощую землю пахут омочом – деревянной сохой.

– Много ли этим костылём наработаешь! – удивлялись солдаты, останавливаясь около дехканина и разглядывая диковинное орудие, оглаживая шершавыми ладонями суковатую рукоять омоча.

Для многих из них, в том числе и для Фомы Данилова, это был уже второй поход. Двумя годами ранее они уже побы-

вали здесь, умирляли хивинского хана, который принял российское гражданство. Но теперь вот восстали подданные хана, снабжённые английским оружием и деньгами...

А на неуютных полупустых базарах, продуваемых ветром и мелким песком, скрипящим на зубах, стоят в дырявых халатах дежкане. Из их серых мешков торчат ключья овечьей шерсти. Им холодно в эти осенние октябрьские дни, они кутаются в свои обтрёпаннные халаты и уныло стоят, безучастные ко всему.

– Нищета! – глядевшись на всё это, промолвит Фома Данилов.

– Голимая нищета! – согласятся с ним однополчане, едущие с капитанармусом на широкой арбе с большими колёсами. Колёса эти не скрипят, смазанные бараньим салом и дёгтем, а лишь шуршат однообразно, вгоняя в сон.

Недавно на одном из таких базарчиков невзрачный человек вдруг выхватил из-под халата карабин, метя в казачьего сотника. Выстрелить он не успел, не дали свои же, сбив того с ног... После этого случая казаки стали осмотрительнее, сторожко оглядывая попадающие на глаза одинокие фигуры и немногочисленные ряды базарных торговцев.

Откуда было знать участникам похода, что бедность местного населения, доведённая до нищеты, произрастала из непомерных поборов своих ханов и хищнических набегов кокандцев, лучше организованных и достаточно хорошо вооружённых.

Поборы кокандских ханов превосходили, как писал военный историк, генерал-лейтенант М. А. Терентьев, «все разумные пределы». Каждая казахская кибитка должна была выплачивать Коканду в год до 6 баранов, 24 мешка угля, 4 воловьих тюка саксаула и 1000 снопов камыша. А у земледельцев отбиралась треть урожая. К тому же, в случае войны, каждый казах должен был служить конным – полностью за свой счёт и на всё время военных действий.

Помимо творимого произвола, кокандцы умудрялись вторгаться на территории, принявшие ранее подданство России, разоряя и грабя местное население, увозя в плен женщин и детей, которых потом продавали в рабство на своих базарах... Только зимой 1849 года, по свидетельству генерала Терентьева, «было разграблено в Казале до 1000 кибиток чумикеевского и уюрткаринского родов. А весной 1852 года хан Якуб-бек из Акмечети угнал у чумикеевцев 150 тысяч баранов»...

Александр II докладывали о творящихся там разбойнических набегах. Он

помнил об обещании, данном казакам Оренбургской крепости.

– Видимо, настала пора наказать разбойников! – решил он и вызвал к себе генерала Кауфмана.

...В этом противодействии были разрушены кокандская крепость Кошкурган, укрепления Акмечеть, Кумыш и Чимкур. Отметим, похода, что после взятия крепости раненым в осадном бою кокандцам была оказана медицинская помощь, а здоровых мужчин собрали в полевом лагере русских войск. После собеседования с ними все были отпущены. Так распорядился командующий – генерал Константин Петрович фон Кауфман, знаток Центральной и Средней Азии, позже похороненный в Ташкенте.

В апреле 1875 года сюда возвращается прославленный генерал Скобелев, отмеченный многочисленными наградами за прежние азиатские походы и в только что окончившейся Балканской войне. В феврале следующего года он станет военным губернатором Ферганской области после второго Хивинского похода, в котором участвовал и наш Фома Данилов...

А пока вот правитель Коканда Худоярхан, ранее принявший российское подданство, находится в бегах. Корыстолюбивый и жестокий, хан вызвал против себя восстание и был низложен в июле 1875 года, после чего бежал под защиту российских войск в Ходжент. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. В Коканде к власти пришли фанатики ислама во главе с Абдуррахманом-автобачи и сыном бывшего хана Насреддином.

МУЖЕСТВО ДЕЛАЕТ НИЧТОЖНЫМИ УДАРЫ СУДЬБЫ

В вольном переводе слова эти принадлежат Наполеону. Сказано мудро и как раз в тему!.. А что касается нашего героя повести, то он, по сути, в этом своём втором походе попал в самое пекло разгоревшейся войны между отдельными правителями районов Средней Азии, точнее – оказался между молотом и наковальней в местности почти безлюдной, хоть и близкой к Ташкенту. Здесь всё ещё вольготно чувствовали себя, вооружённые англичанами банды Абдуррахмана и киргиза Исхак Хасан-уулу, принявшего имя Пулатхан. Этот самозванец, окончивший в своё время медресе, объявил русским газават (священную войну во имя Аллаха) и занял со своими одноверцами Коканд, а чуть позже и Маргелан. Вот тогда-то по просьбе низложенного Худоярхана, дошедшей до российского царя, воинские подразделения генерала Кауфмана двинулись на

подавление мятежа. В их числе находились и два батальона – Первый и Второй Туркестанские...

Вторым батальоном командовал подполковник барон фон Меллер-Закомельский. О нём в «Истории 2-го Туркестанского батальона» написано совсем немного. Но перечень наград и дальнейших повышений по службе занимает чуть ли не две трети страницы. Это, видимо, вообще свойственно большинству историй воинских частей, написанных офицерами подразделений – особенно в эмиграции. О наградах здесь сообщается подробно, обстоятельно: в каком бою, походе, сражении тот и тот офицер их получил. А вот с короткими биографиями дело обстоит хуже! Видимо, не хотели «летописцы» хоть как-то охарактеризовать своих сослуживцев, тем более – отцов-командиров.

Придётся кое-что восполнить нам. Барон за десять лет до Хивинского похода принимал самое активное участие в усмирении поляков в 1863 году. Тогда в лейб-гвардии гусарском полку сослуживцы отзывались о нём кратко: «В период польского восстания был наиболее жесток с пленными»... О действиях барона здесь ничего не говорится. Но всё же обратим внимание: «жесток с пленными».

Можно только представить себе, как этот подполковник вёл себя в Хивинском походе. И этому есть косвенное подтверждение, о котором мы расскажем чуть позже.

Между прочим, командуя батальоном, барон был временно отстранён от службы, нанеся побои и убив гражданского чиновника. У барона были покровители в царском окружении, благодаря отцу, тоже генералу. Перед Хивинским походом его вернули в строй: где же ещё было зарабатывать награды, как не на поле боя?

Правда, отметим, столичные штаб-холуи, завидуя тем офицерам, кто служил в то время в Средней Азии, называли их «халатниками». Сами-то они в это пекло не лезли, старались тихо-мирно заработать себе «Станислава на шею» за оказанные начальству услуги... Полевые офицеры относились к таким брезгливо, называя их «столичными шаркунами»...

Барон Меллер-Закомельский любил комфорт и в походных условиях. На двух-трёхдневных стоянках солдат батальона обязывали выкапывать ему чуть ли не трёхкомнатную землянку. Старались не отстать, глядя на него, и старшие офицеры. В этой связи отметим, что даже Скобелев, будучи в то время прямым начальником Меллер-Закомельского, делал ему замечания по этому поводу:

– Мало в батальоне заботливости к людям, барон! Ваши офицеры, глядя на Вас, понастроили себе в земле отличные хоромы.

– И что же в этом плохого? – возражал барон, надменно подняв бровь.

– Я ничего не имею против устройства офицеров в летних лагерях. Но требую! – заметьте, барон: требую заботиться, прежде всего, о солдатах и только после их устройства думать о собственном благополучии.

Барон по-детски обидчиво относился к любым замечаниям в свой адрес. А от Скобелева, который в званиях и наградах всё время опережал того, выслушивать подобное было просто невозможным.

– Ну и как? – подшучивали над бароном сослуживцы, опять воин шашкой махал?

– Выскачка!.. Мужлан! – задышался от гнева барон и уходил в свой трёхкомнатный склеп...

Однажды они сцепились со Скобелевым по-настоящему. И причина тому была. Барон, как и всегда, невоздержанный на язык, приписал Скобелеву своё собственное мнение о том, что «спокойствие в Азии находится в прямой зависимости от массы вырезанных там людей»...

Скобелев, прослышав об этом, возмутился и вызвал к себе подчинённого: «Прошу, барон, заранее извинить меня, если я не прав». И он повторил услышанное.

– А что в этом плохого? – удивился Меллер-Закомельский, – Вы же сами везде говорите о своём кредо – «воевать без поэзии!».

– Да, это моё кредо! – подтвердил Скобелев. – Но в нём нет ни слова о Вашей, простите, прозе поголовного истребления противника...

В этот раз они дошли в своём разговоре до того, что барон заявил Скобелеву: «Я Вас не боюсь!».

– Так я же не пугало огородное, чтобы меня бояться! – неожиданно улыбнулся Скобелев. – Но язык свой, барон, берите под уздцы. Здесь, в Азии, ветры любое слово далеко разносят. Не ровен час, голуవు несёте...

Оба они со временем станут генералами, правда, Скобелев опередит барона почти на шесть лет. Но странное дело: даже в следующий поход на Балканы Меллер-Закомельский опять встанет под знамя Скобелева, командуя полком. Что ж, впереди этого туннеля их обоим ждал яркий свет, вернее, блеск орденов и наградного оружия. А вскоре после Балкан генерал-лейтенант Скобелев погибнет в центре Москвы, отравленный ядом в бо-

кале с шампанским. Дело это тёмное, поговаривали даже, что не без германского следа...

А генерал-майор Меллер-Закомельский продолжит своё «свечение» в делах дальнейших, правда, не столь уже благовидных. В 1905 году он будет подавлять бунт матросов в Севастополе. Годом позже отличится он и в Сибири. Здесь забастуют железнодорожники, к ним примкнут солдаты железнодорожных войск. Подавить это возстание поручат генералу от инфантерии, барону фон Меллер-Закомельскому.

Поднаторевший ранее в подобных расправах, он никогда не забывал о собственном афоризме, который старался приписать однажды Скобелеву. Пропорциональную зависимость кого и сколько отправлять на тот свет барон исполнил «...с отличительным усердием и расторопностью». Такими словами отметил действия барона в Сибири последний самодержец России Николай II-ой.

В Сибири до сих помнят этого барона-палача, который с помощью особой команды солдат из московского штрафного батальона буквально устелил железнодорожные насыпи трупами от Читы до Челябинска. Восставших и им сочувствующих выбрасывали из вагонов на полном ходу.... За эти услуги Николай «усадит» барона в члены своего Государственного Совета...

Что ж, в жизни всё находится в прямой зависимости и без всяких пропорций от чего-то, или от кого-то.... Идём дальше.

Между тем, находясь в Ташкенте, наш герой Фома Данилов собирался в свой последний поход. Накануне он получил письмо из деревни. В нём сообщалось и о том, что его жена Ефросинья не дождалась мужа и родила от кого-то дочь, которую окрестили Иулитой... Фома Данилов покрутил письмо в руках, оно было помечено первым числом августа: «Почти три месяца назад писано», – подумал он и снова взглянул на косые строки горького послания. Подумав, бросил бумагу в костерок, на котором дымился котелок с водой.

– Мы с Фроськой, почитай, не виделись шесть лет, чо её винить? – буркнул Фома, – Засохнешь тут, как это перекаати-поле! – глубоко вздохнул он, наблюдая, как бежит, гонимый ветром, комок засохшей травы...

Накануне, 4 ноября, они отмечали свой батальонный праздник, а завтра – общий сбор и в поход. Если прямой дорогой до Маргелана, вдоль полусохших арыков, наберётся 100 вёрст. Но кругом рыщут конные кипчаки.

– Бунтарское племя! – соглашается с Фомой сотник Кузьмин. Вчера, на общем празднике, он до того надрызгался, что завалился спать в арбу на мешки с картошкой. Позднее подошли его казаки, потрясли-потолкали своего командира и решили: «Нехай спит! Утро вечера мудренее»...

Здесь, пожалуй, автору необходимо заострить внимание читателя вот на чём. Поначалу все эти азиатские походы давались России очень тяжело: не успеешь выйти из этих песков, назревает новый конфликт в лице очередного восставшего хана, или же его оппонента, которого англичане субсидируют и деньгами, и оружием.

Действовать «с великодушием», как это пытались делать генералы Кауфман и Скобелев, значило в такой обстановке – отдавать завоёванное. Заодно отметим: подчиняя своему влиянию среднеазиатские ханства, Россия оставляла этим правителям полную внутреннюю самостоятельность, требуя лишь признания своего протектората и полного отказа от работорговли.

Да, последнее это было основным занятием в пополнении казны на протяжении полутысячи лет. Легко ли было отнять этот привычный лакомый кусок у поместных князьков, облачённых в дорогие восточные халаты?

Полвека спустя советский прозаик Юрий Тынянов, знаток Востока, скажет, что Россия эти земли «завоевала пикой, а Англия – лекарскими пилюлями и деньгами»... Только вот что осталось от этих завоеваний сегодня?

Впрочем, более действенным оружием оказалась всё же пика! Не так уж и случайно в самом конце минувшего столетия хитрющий и прозорливый казахстанский лидер Нурсултан Назарбаев перенёс свою столицу из благословенной долины яблок на север, в бывшие казачьи земли, обуреваемые песками. Значит, дело было не только в деньгах и пилюлях... Хочется привести в этой связи слова нашего современника, английского бригадного генерала Шпунера, Командовавшего в Афганистане воздушно-десантной бригадой: «Я могу констатировать, что 80% жителей этой страны считают десятилетие пребывания в Афганистане советских войск золотым временем. К русским у них нет претензий»... (Livejournal.com|1866531.HTML/).

Но пора уже отодвинуться на 170 лет назад. Там, в песках, мы оставили состоявшего на российской службе Худояр-хана, низвергнутого Пулат-ханом, свирепым ненавистником России. В начале августа

1875 года восставшие совершили ряд нападений на русские посты. А вскоре пятнадцатитысячное войско их напало на Ходжент. К началу ноября Пулат-хан, подстрекаемый англичанами, собрал на сильно под своё крыло 60 тысяч всадников, поджидая русские отряды недалеко от Коканда, у Сыр Дарьи.

Но Скобелев зашёл со своей конницей (2000 сабель) противнику в тыл, в то время как основные батальоны были сконцентрированы для лобовой атаки...

Нет нужды повторять сейчас, что Пулат-хану не помогли ни английские инструкторы, ни английское оружие, которое было брошено восставшими на поле боя – около 4 тысяч новейших винтовок, из которых не было, в основном, сделано ни одного выстрела... Это было третье по счёту сражение в 1895 году. Генерал Кауфман напишет в своём дневнике позже: «хотелось бы думать, наконец, что и последнее»...

Именно в эти горячие дни наш герой Фома Данилов оказался в самом центре событий. По выходе из Ташкента у него вскоре сломалось колесо арбы, доверху загруженной провиантом. Треснула деревянная ось колеса. Вокруг своего каптенармуса сгрудились солдаты, помогая тому перегрузить кладь на две другие арбы. Рядом нетерпеливо пофыркивали верблюды: их трудно поначалу собрать в путь, но уж, если тронулись, попусту не остановившись, они приучены к размеренному, неторопливому ходу... И тут, как на грех, подсказал командир батальона:

– Кто приказал устроить бивак? – зорал он, сдерживая коня.

– Да вот, арба сломалась, ваше благородие! – вытянулся перед ним сотник.

– Приказываю оставить четырёх человек! Остальные – шагом марш! И поторапливайтесь, догоняйте батальон, сотник!..

Так эта четвёрка оказалась один на один с враждебной степью. Не успела ещё пыль, поднятая кавалькадой, сопровождающей командира батальона осесть, как на горизонте с другой стороны появилось несколько точек, быстро превратившихся во всадников.

– Всё, братцы, мы приехали! – вздохнул Фома Данилов и потянулся за карабином.

...Они уже несколько раз объехали на своих низкорослых лошадях вокруг Фомы и его сотоварищей, с каждым разом сужая кольцо. – «Выстрелишь, будем резать по одному, долго будем резать!» – предупредил Фому один из них в островерхой войлочной шапке.

А что могли поделывать они, четверо, против двух десятков вооружённых до зубов кокандцев? Пришлось сложить оружие.

Угнетённо оглядев пленников, главарь молча достал из ножен саблю и, проехав вдоль арбы, неожиданно, с оттягом, рубанул одного из них по шее. Солдат упал замертво.

– И вам такой же секир башка будет! – завизжал он, вытирая саблю от крови полой халата, – Завтра на площади всех порежем!

– Главарь дал знак своим и те, скрутив пленникам руки, погнали их пешком в город...

Что думал в эти минуты Фома Данилов, ветеран азиатских походов? Наверное, о распавшейся семье думал, о своём неустроенном житье-бытьё. Думал, может быть, и о том, как хладнокровно командир батальона оставил их один на один с противником, с которым бесполезно было вообще о чём-то договориться. В чужие мысли разве заглянешь?

Да и мог ли знать хозяйственный служака, унтер-офицер Фома Данилов, что Пулат-хан накануне мусульманского праздника Курбан айт (праздник жертвоприношения, приближения к Аллаху) прилюдно, на городской площади надеялся обратить их в чужую веру? Согласно лунному календарю праздник этот приходится на 70-й день после окончания мусульманского поста, что ежегодно происходит примерно в середине ноября...

В этот раз, на второй день праздника, 21 ноября 1875 года, на городской площади старого Маргелана собралась большая толпа, чтобы наблюдать обращение русских солдат в мусульманскую веру.

Но вышло «всё не так и вопреки задуманному!», – пишет в своей книге «История завоевания Средней Азии» генерал от инфантерии Михаил Терентьев:

«Акция обращения русских солдат в мусульманство не удалась!».

Усердно старались муллы через русского переводчика объяснить пленникам, что обращение в ислам принесёт им наслаждение. Особенно усердствовал седой мулла с крашеной бородой, обращаясь непосредственно к Фоме Данилову.

– Будь сильным, о человек! – почти пел он. – Возжелай и насладись всем, что страшно и несёт упоение. И не страшись, что какой-нибудь Бог отвергнет тебя за это!..

Фома прервал желтобородого, пронзительно крикнув на всю площадь: «В какой вере родился, в той и умру, ироды поганые! А своему царю я уже дал присягу и изменять Отечеству не буду! Зря стараетесь, собаки!»...

Автор специально не стал здесь рассказывать о том, как казнили воина Фому и его сотоварищей. Слишком разноречивы сведения об этом, дошедшие до нас. Но автор сам служил несколько лет в Средней Азии и знаком с норовом и узбеков, и киргизов, и туркменов, и казахов. Причем стоит отметить, что степняки отличаются от горцев. А Фому казнили в горах, где нравы более жестоки. Поэтому, думается, надо остановиться на более приемлемом для этого случая варианте: товарищам Фомы просто перерезали горло. А вот Фоме Данилову пришлось, пройти, как говорится, все круги ада. Его привязали крестообразно к колесу арбы и 12 аскеров, подняв новейшие английские ружья, выстрелили залпом в колени, в бедра, в кисти рук, в локти и плечи. В те времена это называлось «неправильным залпом».

Заимствована такая казнь была у турециков янычар ещё в средние века...

Умирал Фома медленно, несколько часов, истекая кровью... Пулат-хан после залпа тут же покинул площадь, разгневанный упорством русского воина. Ему, хану, не удалось стать героем дня. По сути, это место занял Фома Данилов, о котором местные старожилы ещё долго будут рассказывать своим детям и внукам об упорстве русского воина... Ему было 29 лет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. На площади старого Маргелана (новый город был построен рядом и ему было дано имя генерала Скобелева), где был казнён воин-мученик Фома Данилов с товарищами, спустя шесть недель казнили Пулат-хана. Его труп несколько дней болтался в петле под порывы горного ветра.

Генералу Скобелеву рассказали в подробностях, как батальонный командир оставил на произвол судьбы горстку своих подопечных, а по сути – на растерзание. Генерал тут же попытался вызвать к себе барона Меллер-Закомельского, но тот, сказавшись больным, укатил праздновать в столицу свои победы. Тем не менее в генеральный штаб вслед за бароном отправился рапорт с вынесением барону выговора о неполном служебном соответствии... Из этого рапорта в столице вскоре узнают о подвиге русского воина. Докатится молва и до царя.

Кто уж там раньше догадался о помощи семье героя, сам царь, или губернатор области, где проживала с дочерью сама Ефросинья, сейчас сказать трудно. Но известно, что обе были обеспечены до конца жизни.

Узнал о подвиге Фомы и Фёдор Михайлович Достоевский. Отсылаю читателей к дневнику писателя за 1876 год. Достоев-

ский в нём с горечью произнёс, что если бы это произошло на Западе, «там прокричали бы об этом на весь мир! У нас же сообщили о мученической смерти воина только в журнале «Русский инвалид»...

Как ни горько об этом говорить, но даже сама православная церковь, за которую принял мучения Фома, отказывает таким как он в святости, считая, что настоящие, мол, мученики за Христа жили, в основном, в первые века христианства.

И всё же в Сибири Фому Данилова называют святым, хоть и пострадал он в мусульманский праздник, приходящийся одновременно на день 6 декабря по новому стилю – день Введения во храм Пресвятой богородицы. Именно в этот день производилось в Маргелане расследование гибели сибирского воина...

Племянник Фомы, сын брата Андрея – Фёдор Лотарев, человек глубоко верующий, совершил паломничество в Иерусалим. Он привёз оттуда образ усекновения главы Иоанна Крестителя, памятуя о своём героическом дяде.

А в ризнице Самарской семинарии хранится образ Фомы Данилова, созданный иконописцем Николаем Мостовых. У него Фома-мученик стоит в белой гимнастёрке – полевой форме среднеазиатских походов – и в красном плаще, символе страдания за Христа. В руке он держит развёрнутый свиток с тремя словами: «Аз есмь христианин».

Да это – эмблема России! – воскликнет в своём «Дневнике» Фёдор Михайлович Достоевский, – «всей нашей народной России, подлинный образ её, вот той самой России, в которой циники и премудрые наши отрицают теперь великий дух и всякую возможность подъёма». (А не в наше ли сегодня заглянул великий писатель почти полтора века назад? В.М.). И далее: «Чтобы судить о нравственной силе народа и о том, к чему способен, надо брать в соображение не ту степень безобразия, до которой он временно и даже хотя бы и в большинстве своём может унижаться, а надо брать в соображение лишь ту высоту духа, на которую он может подняться, когда придёт тому срок»...

В трогательном этом провозвестии большого писателя, который до сих пор волнует европейские умы в постижении русской души, не так уж и трудно углядеть ту мысль, что жизнь неотделима от страданий. Неотделимы от своего народа и те великомученики, которые в лихой час берут на себя миссию явить народу незамутнённый облик праведной веры ценой собственной жизни.